

Социокультурные составляющие понятия безопасности в социологии

Аннотация

Рассматриваются социокультурные составляющие понятия безопасности как элементы противостояния любым разновидностям попыток ослабить ее с помощью культурных факторов, СМИ и разных видов искусства путем негативного влияния на культурные и социальные основы функционирования государства, а также на стиль и характер человеческих взаимоотношений в обществе. Особенность социокультурной системы Юга и Востока Украины связана с историей их заселения разными народами. В частности, к существующим греческим, украинским, болгарским и молдавским поселениям в новообразованные города Юга добавились представители других народов (немцы, евреи, поляки и др.), что существенно повлияло на формирование социальной культуры городов, которая лишь частично была связана с Российской империей. В то же время языком межэтнического общения стал именно русский как второй для абсолютного большинства населения.

На основе теории Р.Коллинза рассматриваются социокультурные составляющие понятия безопасности, которые толкуются как уровень вовлеченности населения в разнообразные социальные ритуалы, в частности во времена колониальной зависимости Украины, а также как уровень доверия населения к центральной и региональной ветвям власти. В качестве социокультурной составляющей рассматривается способность населения оказывать сопротивление посягательствам на безопасность существования социума с помощью СМИ и различных видов искусства посредством негативного влияния на культурные и социальные основы функционирования общества, на стиль и характер человеческих взаимоотношений (авторитарный либо демократический) в межличностных и деловых контактах современников.

Ключевые слова: *социокультурные основы национальной безопасности, праздники, ритуалы памяти, общественные акции, авторитарный / демократический стиль в повседневном и деловом общении*

Появление новой составляющей в определении безопасности, а именно *социокультурной* обусловлено вызовами времени, характерными, в частности, для современной Украины. Она актуализировалась наряду с другими элементами национальной безопасности, такими как военная, политическая, экономическая, энергетическая, исходя из важности обстоятельств, связанных с российской агрессией на Юге и Востоке страны. Нужно отметить, что социокультурная составляющая в понятии безопасности стала очевидной после распада СССР для всех независимых государств на просторах бывшей колониальной империи, поскольку имперское социокультурное влияние присутствует как в культуре новых стран, так и в межгосударственных отношениях бывшей метрополии с новообразованными независимыми государствами. Конечно, его можно быстрее преодолеть при существовании отличий по языку, культуре, обычаям, религии, историческим традициям, как в случае стран Средней Азии и республик Балтии. Для Украины социокультурная безопасность оказалась чрезвычайной проблемой, которая приобрела особую значимость, с одной стороны, в связи с откровенными намерениями бывшего колонизатора захватить юго-восточные регионы страны, а с другой — в контексте исторических обстоятельств, обусловленных существенной культурной близостью, поскольку именно многовековая украинская культура в течение XVII–XVIII веков отчасти присвоена и усвоена колонизатором.

Необходимость исследовать разные аспекты социокультурной безопасности современного Украинского государства и определить направления, требующие более тщательных прикладных исследований, вызвана реальной угрозой независимому развитию социума и культуры прежде всего в Юго-Восточном регионе, что связано с историей его заселения и развития с конца XVIII века. Кроме того, общественные волнения 9 мая 2017 года в ряде крупных городов Юга и Востока страны свидетельствуют, что бывшая империя не отказывается от желания агрессивно вмешиваться в ритуалы, связанные с днем Победы, для демонстрации своего влияния и способности разрушать общественный порядок и подстрекать людей к беспорядкам. Все это заставляет нас более основательно рассмотреть именно социокультурные основы безопасности Украины в Южном и Восточном регионах.

Цель данной статьи — дать определение понятия социокультурной безопасности как такой составляющей национальной безопасности страны, которая направлена на защиту государства и ее граждан от попыток ослабить ее посредством негативного влияния на почве культурных и социальных факторов.

К культурным факторам влияния на общество относятся современные литература, кинематограф и все произведения искусства, которые могут воспроизводиться посредством телевидения и других средств связи, в том числе через интернет. Социальные факторы, с одной стороны, связаны со стилем и способами взаимодействия людей (авторитарными или демократическими) в ситуациях повседневного/бытового и официального общения, а с другой — с разнообразными общественными событиями вроде праздничных дней, ритуалов памяти и акций протеста. Все они имеют глубокие корни в ментальности народа, что проявляется в невербальном и вербальном поведении, в моделях человеческих взаимоотношений на уровне деловых и общественных контактов, в процессах взаимодействия в семьях, шко-

лах, детских учреждениях, производственных коллективах и публичном пространстве. Вся совокупность социокультурных факторов может стать объектом специфической агрессии через произведения искусства, кино, телевидение и радио, которые правящие круги России используют для навязывания имперского видения исторических процессов и формирования специфической социальной культуры авторитарного типа.

Процесс социокультурного влияния долгое время был связан с приоритетным положением российских продуктов культуры на украинском рынке медийной продукции вплоть до 2014 года. Их интенсивное потребление было обеспечено как международными информационными сетями, так и прямым присутствием России в деятельности медиа-холдингов, отдельных телевизионных каналов, а также поддержкой со стороны влиятельных деятелей культуры и искусства. Это влияние требует специального анализа, учитывая его многозначность и вариативность проявлений. Главными задачами исследования социокультурных составляющих безопасности в украинских реалиях должны стать следующие направления: (1) определение и уточнение *содержательных характеристик* понятия социокультурной безопасности Украины на современном этапе; (2) выделение составных частей данного понятия; (3) разработка программы конкретных социологических, социально-психологических и культурологических исследований о состоянии социокультурной безопасности, в частности ее южных и восточных территорий; (4) разработка соответствующей методики исследования, сочетающей массовые опросы и качественные исследовательские методы с использованием глубинных контент-интервью, анализа периодических изданий и телевизионных программ и др.; (5) формулировка задач и социальных мероприятий по содействию наращиванию и обеспечению социокультурной безопасности на Юге и Востоке Украины. Однако данная статья будет посвящена только двум первым, более общим задачам, а именно уточнению содержания понятия “социокультурная безопасность” и выделению его составляющих в качестве операционных признаков, которые можно будет измерять в ходе конкретных социологических и социально-психологических исследований.

Безопасность является базовой ценностью всех народов, но представление о социокультурной безопасности как части общенациональной актуализировалось недавно. И хотя в качестве артикулируемой социальной проблемы она имеет короткую историю, осмысление ее корней и рычагов влияния на сознание и самосознание населения требуют основательного анализа и специальных социологических и социально-психологических исследований.

Впервые словосочетание “национальная безопасность” использовал президент США Т.Рузвельт в 1904 году в связи с кризисом в районе Панамского канала. Хотя понятие безопасности имеет давние содержательные корни, как феномен проблемного существования социума оно приобрело силу только в Новое время, а точнее — в период Великих географических открытий и расширения известных европейцам территорий. В эпоху буржуазных революций в Англии и Франции на фоне революционных событий и войн безопасность провозглашается особой витальной ценностью, являющейся, по мнению И.Бентама, “основой жизни, существования, удовлетворения и счастья, от которой все зависит” [Бентам, 1869].

После Второй мировой войны в США была разработана концепция национальной безопасности — поначалу с упором на военную мощь, но позже

в нее стали включать определенный спектр мер, каждая из которых была направлена на сохранение независимого существования и экономической безопасности страны, а также ценностей, отстаиваемых национальным обществом. Соответственно, сохранение национальной безопасности страны предполагает экономическую, энергетическую и экологическую безопасность. Что касается угроз безопасности, то они могут исходить и от обычных противников, таких как другие государства-нации, и от негосударственных субъектов типа насильственных негосударственных субъектов: наркотических картелей, транснациональных корпораций и неправительственных организаций. Некоторые авторы относят к перечню подобных угроз стихийные бедствия и события, причиняющие серьезный вред окружающей среде, угрожая тем самым существованию людей [Romm, 1993].

В 1990 году профессор истории Гарвардского университета Ч.Майер определил национальную безопасность сквозь призму государственной власти: “Национальная безопасность ... лучше всего характеризуется как способность контролировать внутренние и внешние условия, когда общественное мнение сообщает считает необходимым получить удовлетворение от ее собственного самоопределения или автономии, процветания и благополучия”. Майер опирался на рассуждения индийского философа П.Палери, автора книги “Национальная безопасность Индии: Императивы и вызовы”, сформулированные следующим образом: “Ощутимое состояние способности нации преодолеть многомерные угрозы видимому благополучию народа и обеспечить его выживание как нации-государства в любой момент времени, уравновешивая все инструменты государственной политики путем управления, которые могут быть проиндексированы вычислениями, эмпирическим или иным образом и расширяются до глобальной безопасности по количественным показателям, внешним по отношению к нему” [Paleri, 2008].

Государственный секретарь США Хиллари Клинтон добавила к пониманию безопасности общества важный гендерный аспект, когда заявила, что “страны, которые угрожают миру и мирному сосуществованию, являются теми местами, где женщины и девочки лишены достоинства и возможностей” (цит. по: [Romm, 1993]). Она подчеркнула, что только когда права мужчин и женщин равны, общество становится лучше, что способствует стабильности общества, в том числе глобального.

Итак, можно констатировать, что понятие национальной безопасности постепенно, с начала XX века, развивалось и уточнялось путем расширения содержания понятия, вобрав в себя не только военную способность нации защищаться, но и другие направления. В то же время начало XXI века обнаружило еще один аспект национальной безопасности, который все более активно обсуждается в обществе и в кругах специалистов. Это социокультурная безопасность, важная для любой страны, которая стремится сохранить свою культуру в условиях мультикультурализма, а также избавиться от зависимости от других стран. Так, социокультурная *безопасность* Украины связана с несколькими аспектами ее исторического и современного существования в Европе и в мире, поэтому требует по крайней мере конспективно-го исторического экскурса с соответствующим акцентом на главных событиях без наслоений российского влияния и “своеобразного” толкования их бывшим колонизатором.

Во-первых, по свидетельствам историков название Украина появляется в Ипатьевской летописи 1187 года, а также на старинных картах и в исторических европейских и отечественных источниках, хотя Киев был известным городом еще в VI веке. Основание варягами (викингами) Киевской Руси — воинственного государства — положило начало письменной истории страны и ее присутствию во всех европейских делах со времен династии Рюриковичей и скандинавских князей Олега и Игоря. Эта “норманнская”, как ее называли в России с XVIII века, теория не устраивала царскую империю времен ее возвышения и точно не устраивает современную. Но историческая наука свидетельствует о том, что в раннем Средневековье норманны-викинги-варяги (“русы” на арабском) основали новую государственность не только в Украине и в современных Исландии, Норвегии и Швеции, но и в Англии, Шотландии и Ирландии, в части Франции (Нормандия) и на Сицилии. На территории современной России были основаны города-государства Новгород, Псков и Старая Ладога, а также поселения-фактории на Волге и Днестре. Именно захват викингами Киева положил начало государству Киевская Русь, поскольку Киев, также как Чернигов и некоторые другие старинные украинские города, уже был полисом, то есть городом-государством. Если другие нации, в том числе Великобритания, не чураются этого исторического факта, то почему украинцам нужно от него откешиваться?

Разумеется, такой конспективный перечень событий о территории современного украинского государства может быть подвергнут сомнению историками различного толка. Но главное, что никакой зависимости Украины от России в историческом времени не существовало из-за отсутствия такой страны, как Россия, на европейской карте до 1723 года, когда по указу Петра I на месте Московского княжества такая страна появилась. А фонетическая созвучность названия “Россия” с древним названием “Киевская Русь” является свидетельством попытки присвоить себе чужую историю, чтобы убеждать свое население в тысячелетнем существовании России. “Теория” о тысячелетней России никогда не воспринималась народами, особенно стран Северной Европы, которые сохранили свои летописи и саги об основании Киевской Руси именно викингами (норвежцами, датчанами и шведами) и даже уже отцифровали их для всемирного пользования¹.

Во-вторых, так называемое объединение Украины с Россией на самом деле было подписанием соглашения о мире с Московским Княжеством в 1654 году, что было вынужденным шагом Богдана Хмельницкого, который выбрал среди соседей наиболее слабое в то время государство, не имевшее военной силы, чтобы претендовать на украинские территории. Вместе с тем Московское княжество было уже признанным в мире отдельным государством во главе с потомками викингов из династии легендарного Рюрика. И то, что на самом деле связывает Украину с Россией, — это именно бывшие колонизаторы-норманны, ставшие аристократией по всей Европе, включая Польшу, страны Балтии, Англию и частично Францию и Германию.

В-третьих, настоящая “ползучая” колонизация Украины началась только в XVIII веке. При этом Петр I не сделал ни одного шага для силового захвата

¹ Очерченный в статье взгляд на историю Киевской Руси совпадает с изложенным в книге, изданной при поддержке Посольства Норвегии в Украине: [Романько, 2016].

страны, хотя его окружение, прежде всего в лице выпускника Киево-Могилянской академии Феофана Прокоповича и других церковных деятелей, продвигало идею о присоединении Украины к Империи. В то же время нужно учитывать тот факт, что все это делалось в противовес усилению зависимости Украины от Польши и Литвы, которые в границах прогрессивного поначалу объединения народов в государстве Речь Посполитая (республика) занимали господствующее положение и, в частности, стремились к расширению влияния католического вероисповедания. Эти обстоятельства и определили позицию православного украинского духовенства. Поэтому сопротивление российской колонизации, сопровождавшейся постепенным закрепощением крестьянства, оказывал собственно украинский народ, протестуя против колонизации единственным доступным способом — крестьянскими бунтами.

После присоединения Польши к России по решению Венского конгресса в 1814 году положение простых украинцев значительно ухудшилось из-за усиления крепостничества. Но в то время представители украинского казачества, которые могли бы возглавить народное сопротивление, были уже окончательно “замирены”, получив огромные земли на Дону и Кубани в обмен на обязанность охранять границы. Это был по-настоящему мудрый шаг императрицы Екатерины II, сделавший украинское казачество верным колонизаторам и царской власти на долгие годы. Можно сказать, что по долинам рек Дон и Кубань образовалась *вторая Украина*, которая благодаря позитивному отношению царской власти имела возможность в более благоприятных условиях развивать свою культуру, обычаи и традиции и при этом верно служить царизму. Именно это сделало восточных украинцев в те времена верными подданными царской короны, что оказало огромное влияние и на события современности. В те времена социологических исследований не было, хотя этнография фиксировала важные признаки принадлежности жителей Дона и Кубани именно к украинскому этносу и культуре. На уровне художественного произведения это социокультурное состояние второй Украины можно проследить в романах нобелевского лауреата Михаила Шолохова, особенно выразительно — в “Тихом Доне”.

Что касается Юга Украины, то почти одновременное возникновение трех городов Херсона (1783), Николаева (1789) и Одессы (1794) было обусловлено колонизацией данной территории Российской империей и регулировалось соответствующими имперскими указами. Несмотря на то, что они заселялись представителями разных народов и управлялись непосредственно из Петербурга, украинцы составляли среди них львиную долю, но не доминирующую, поскольку речь шла преимущественно о крестьянских поселениях. Все это отразилось на социокультурных традициях края, который в начале XIX века действительно назывался Новороссией. Именно обстоятельства заселения Юга Украины и его развития в XIX–XX веках требуют специального исследования *социокультурных* факторов безопасности как в плане трактовки исторических событий, так и касательно их присутствия в мировоззрении современных украинцев, особенно жителей городов Юга Украины, где все еще весьма ощутимо бытуют проимперские и пророссийские взгляды. Определение и уточнение содержательных признаков аспектов понятия социокультурной безопасности требуют также выделения его операционных составляющих, которые объединяют социальное и культурное.

В толкование *понятия социокультурного* весомый вклад внес выдающийся российско-американский социолог П.Сорокин, который впервые поднял вопрос об интеграции всего знания о традициях, обычаях, повседневной культуре того или иного времени, что является почвой формирования *новых* социокультурных систем, связанных с предшествующими культурами лишь частично [Сорокин, 1992]. Это важное положение помогает понять смысл современных событий, если рассматривать процессы *интеграции* Южных регионов в общегосударственное пространство Украины.

Процессы образования новых социокультурных систем очень мощно разворачивались на Юге Украины, где разные народы — украинцы и поляки, немцы и русские, греки и евреи, болгары, молдаване, шведы и многие другие — создавали новую *многовекторную культуру*. Например, русским языком до сих пор в быту пользуются этнически смешанные семьи, для которых это язык общения разных по этническому происхождению членов семьи. Часто их связь с родной культурой является частичной и довольно ограниченной, поэтому невольно складывается новая социокультурная система как на уровне культуры взаимоотношений, так и на бытовом уровне. Современные события на Юге и Востоке страны подтверждают видение П.Сорокиным возможностей формирования новых социокультурных систем. Мы наблюдаем, как на Юге и Востоке русскоязычное, но разное по этническому происхождению население встало на борьбу с агрессором вместе и рядом с украиноязычным. Это означает, что процесс интеграции государственнической нации уже начался, хотя в полной мере он затронул прежде всего детей и молодежь — тех, кто рос уже в независимой стране.

В то же время следует помнить о роли бабушек и дедушек как носителей культурных традиций и обычаев. Об этом пишет М.Альбакс, который в двух своих важных работах “Социальные структуры памяти” и “Коллективная память” внес весомый вклад в развитие теории социальной памяти. Анализируя процессы становления социальной памяти, социолог подчеркивает, что “передача [опыта] происходит фрагментарно, и они [дедушка и бабушка] передают свои воспоминания внукам, как бы сквозь интервалы той семьи, которую образуют отец и мать”. Главный аргумент его теории состоял в том, что “именно через членство и принадлежность к социальной группе — речь идет, в частности, о системе родственных связей, религиозной и классовой принадлежности — индивиды способны приобретать, локализовать и извлекать из памяти свои воспоминания” [Halbwachs, 1925: p. 63]. Кроме того, по мнению социолога, каждое общество строит своеобразный каркас с базовыми структурами, внутри которых локализируются и сохраняются воспоминания больших социальных групп. Так, год, который разнесен в календаре памяти по значимым для общества событиям, напоминает карту, организующую человеческую жизнь. Однако эти ментальные пространства, считает М.Альбакс, всегда имеют поддержку от материальных, физических пространств. Наши воспоминания расположены внутри ментальных (воображаемых) и материальных пространств группы. Философ отбрасывает идею обособления памяти личности от памяти общества. Он утверждает, что идея индивидуальной памяти как абсолютно отделенной от памяти социальной является сугубо абстракцией, лишенной содержания [Halbwachs, 1925: p. 65]. Поэтому важным аспектом современного социологического исследования должно стать изучение тех традиций празднования разнообразных событий давно минувшего или

нового времени, которые хранятся или поддерживаются нашими согражданами Юга и Востока; определить, насколько они связаны с имперским влиянием России или используются ею для создания опасных ситуаций в ходе осуществления ритуальных действий, а также выяснить меру осознания представителями разных возрастных групп опасности такого рода влияния на социальное положение общества.

В структуре социальной памяти большое значение приобретают те общественные события, которые связаны с актами передачи памяти. Они создают возможность для воспоминаний через воспроизводство событий прошлого, которые, в свою очередь, формируют у последующих поколений общую память. Этому служат, с одной стороны, произведения искусства и литературы, мемуары, дневники и воспоминания, которые издаются отдельными книгами, экранизируются и представляются на театральных сценах, а с другой стороны, — это ритуалы памяти, имеющие долгую историю. Благодаря *ритуалам*, по мнению американского ученого П. Коннертона [Коннертон, 2004], в ходе мемориальных церемоний и специфических телесных практик образы прошлого и сохранение в памяти знаний о прошлом поддерживаются и передаются следующим поколениям с помощью ритуальных (в большей или меньшей мере) действий (перформансов). Именно поэтому сохраненные в современном украинском обществе советские ритуалы способны нести определенную опасность, поскольку каждый ритуал — это воплощенный, разыгранный в ролях культ. Образ прошлого, даже в форме мастер-нарратива, поддерживается и передается последующим поколениям через ритуальные перформансы/действия.

Советские ритуалы не могут сохраняться в коллективной памяти так же долго, как двухтысячелетние христианские традиции, когда человек машинально крестится в чрезвычайных или сложных ситуациях, даже оставаясь атеистом, и именно такие привычки подчеркивают силу ритуалов. Поэтому сохранение ритуалов советского времени, таких как военные парады и демонстрации в честь Октябрьской революции и Дня победы 9 мая, способны оказаться спусковым механизмом для беспорядков и угрозой для безопасности общества, о чем свидетельствуют трагические события в Одессе во время майских праздников 2014 года, а также беспорядки в разных городах нашей страны в майские дни 2017-го. И хотя вполне понятно, что столкновения были инспирированы бывшим колонизатором, это не исключает того факта, что в социальной культуре общества и социальной памяти присутствуют как факты, так и соответствующие настроения, и это позволяет соседнему государству вмешиваться в ход событий и провоцировать ситуации, угрожающие безопасности государства. Особо опасными оказались конфликты между бойцами АТО и бывшими воинами-афганцами, вспыхнувшие в нескольких городах страны как противостояние между представителями советских вооруженных сил и таких же воинов, но защитников украинского государства.

Что касается советского ритуала возложения цветов на могилы погибших в годы Второй мировой войны (которая в СССР получила отличное от европейского название “Великой Отечественной”), то этот ритуал поддерживается прежде всего существующими в каждом городе и поселке страны памятниками и мемориалами, большинство из которых появилось уже после 1965 года, когда по инициативе Генсека КПСС Л. Брежнева был учрежден праздничный день. Было бы кощунством уничтожить военные мемори-

алы, но следует отметить, что таких мест памяти о миллионах погибших украинцев в период Голодомора и сотен тысяч погибших в сталинских застенках и концлагерях, количество которых соизмеримо с числом погибших на войне, на территории украинского Юга и Востока почти не существует. А главное, они не являются местами массовых ритуалов. Эти трагические события не обозначены соответствующими ритуалами, и существует риск, что они могут стереться из человеческой памяти, хотя история народа не может их так просто отбросить, как это произошло в годы независимости в отношении празднования Октябрьской революции и дня сталинской Конституции. Все жертвы и войн, и сталинского террора, и Голодомора требуют совместного народного действия, способного объединить представителей разных поколений путем чествования тех, кто отдал жизнь за страну и ее независимое будущее, и тех, кто погиб от искусственно вызванного голода, целью которого было принуждение украинцев к рабскому труду в колхозах.

В связи с этим вполне оправданным было решение украинского правительства о переносе празднования даты окончания Второй мировой войны на 8-е мая. Во-первых, потому, что именно 8-го был подписан акт о капитуляции Германии, поставивший точку во Второй мировой войне. Празднование дня Победы 9-го мая было учреждено только в 1965-м, хотя Сталин в свое время предлагал отмечать победу 31 декабря. Во-вторых, речь идет о дне, который не является праздником в полном смысле этого слова, ведь в 1965-м, когда впервые отмечался День Победы, это был праздник только для тех, кто выжил. Но более 30 млн погибших во Второй мировой войне скорее требуют не праздника, а дня памяти о принесенных человеческих жертвах, обусловленных амбициями диктаторов и их стремлениями колониального передела мира. Сегодня, когда на мировой карте остается такая колониальная империя, как Россия, опасность для ее стран-соседей связана именно с посягательствами прежней метрополии на сохранение своего влияния на бывшие территории как в экономическом, так и в социокультурном плане.

Второе важное направление исследований в решении проблем социокультурной безопасности современного украинского социума связано с *характером и стилем человеческих взаимоотношений*, присущих Югу и Востоку страны. Это один из тех неосознаваемых признаков, которые почти не анализируются участниками процесса, слабо поддаются рефлексии, поскольку являются привычными и общепринятыми в этнически смешанном социуме. Мы замечаем различия в общении с другими в этих областях, с одной стороны, и в Западной или Центральной Украине — с другой. Но дальше поверхностного удивления наше восприятие не идет, хотя мы констатируем такие социально-культурные отличия разных регионов страны. Из-за ограниченности объема в данной статье я могу лишь кратко обратиться к такой важной теме, как стиль человеческих взаимоотношений; более основательно эти вопросы рассматривались мной ранее, но не в контексте региональных украинских отличий, а в связи с характером политической власти в обществе. В первую очередь речь идет об авторитарном, демократическом и амбивалентном стилях в общении, начало исследований которых связано с произведениями выдающихся мыслителей и гуманистов XX века эпохи авторитарных режимов в СССР и нацистской Германии. Прежде всего это произведения философа-гуманиста Э.Фромма “Бегство от свободы” и “Быть и иметь”, а также экспериментальные исследования выдающегося социального психолога К.Ле-

вина о влиянии на поведение человека в обществе и группе авторитарного или демократического стиля руководства государством. Эти вопросы обстоятельно рассмотрены автором в книгах, подготовленных в соавторстве с профессором Петербургского университета Л.Почебут “Социальная психология общественного развития” и “Социальная психология”. Главы, посвященные способам и стилям человеческих взаимоотношений, были подготовлены автором статьи (см., в частности: [Мейжис, Почебут, 2003: т. 1, с. 69]).

Необходимость выделения операционных составляющих понятия безопасности как характеристик, подлежащих измерению в ходе социологических и социально-психологических исследований, требует обращения к теории американского ученого Р.Коллинза, изложенной в книге “Социологический инсайт”. Вслед за Э.Дюркгеймом социолог доказал, что групповая солидарность, способствующая объединению людей, основывается на нерациональных принципах и использует для этого ритуалы. Социолог считает, что если бы люди действовали только как высокорациональные существа, они вообще не смогли бы сформировать общество. “Общество никогда бы не смогло сформироваться, и вовсе не потому, что до-социальный мир какой-то дикий или недоразвитый, а именно потому, что он слишком рациональный” [Социологическая проницательность, 2004: с. 412]. Поэтому люди заключают “общественный договор”, как это называли просветители, хотя в реальности никто ничего не заключает. Просто для поддержания порядка люди отдают часть своих суверенных прав правительству государства или другим носителям власти, что трактуется как общественный договор.

По мнению Р.Коллинза, именно Дюркгейм первым пришел к выводу, что договорное общество вырастает на нерациональном ощущении, которое он называл “преддоговорной солидарностью”. Но в действительности, утверждает Р.Коллинз, общество *держится на доверии*. Люди могут работать вместе не потому, что рациональным образом решили так поступать, поскольку это выгодно, а потому, что у них есть ощущение, что они могут доверять друг другу и у них есть общее ощущение доверия по поводу соблюдения условий соглашений. “Общество работает именно потому, что люди не должны рационально решать, какие выгоды они могли бы приобрести и какие потери понести. Люди не должны думать об этих вещах, и это как раз то, что делает существование общества возможным” [Социологическая проницательность, 2004: с. 413–414]. Именно узы доверия объединяют людей, когда они вместе выходят на субботник, принимают участие в демонстрациях и акциях неповиновения, подписывают петиции и выражают протест или устраивают митинги поддержки. Так же происходит и в случае защиты государства, ведь в конечном счете государство — это социальная организация, координирующая деятельность людей для достижения политических целей. Следовательно, люди, создав государство, должны придерживаться соглашений между собой, а могущество государства заключается именно в наличии *чувства* принадлежности к нему. Собственно эти *общие ощущения*, а не рациональные мотивы, удерживают людей вместе в большой социальной группе, которую мы еще называем политической нацией. Поэтому так важны в жизни больших социальных групп и в политике их государств идеологии, символы и эмоции, разделяемые большинством.

В то же время Р.Коллинз пишет о наличии иной солидарности — солидарности военного режима, как это наблюдается в России. Это еще один тип

общества, когда государство строит военный режим, к которому люди не имеют доверия, но подчиняются ему. Такие режимы хорошо известны в истории человечества. Как подчеркивает Коллинз: “Самый удачливый эксплуататор — это тот, кто заставляет других почувствовать, что он или она принимает близко к сердцу их интересы. Это означает сформировать призыв как раз на том уровне и через те механизмы, которыми оперируют нерациональные чувства солидарности. Это фундаментальное оружие диктаторов, политиков и, может быть, любого, кто агрессивно преследует собственные интересы в обществе. В людях часто вызываются чувства солидарности, лежащие глубоко ниже рационального расчета их собственного эгоистического интереса... Любой, кто знает, как возбудить в других эти чувства, обладает мощным оружием, используемым во благо или во зло” [Социологическая проницательность, 2004: с. 414].

Главный вывод, к которому приходит Р.Коллинз, заключается в том, что групповая организация зависит не от рациональных расчетов. Под поверхностью скрыта сильная эмоция, чувство группы людей касательно их схожести и общей принадлежности к большой социальной группе. “Я берусь утверждать, что процессы, которые продуцируют эти моральные чувства, — это *социальные ритуалы*. Когда такие ритуалы сделали свое дело, и группа создана, интересы, которые объединили людей в этой группе, приобретают новый статус. Интересы становятся моральными *правами* и приобретают вокруг себя что-то вроде символического гало*о справедливости. С иной точки зрения это можно было бы назвать идеологией. Ключевой вопрос состоит в том, что группы не только состязаются за конкурирующие интересы, но они также всегда рассматривают собственные интересы с моральной точки зрения” [Социологическая проницательность, 2004: с. 417].

Поэтому важной задачей исследования социокультурных составляющих понятия безопасности Украины на современном этапе является выделение тех качественных характеристик безопасности, которые можно рассматривать как операционные признаки, подлежащие измерению для определения уровня безопасного состояния общества в ходе социологических и социально-психологических исследований. Таковыми могут быть:

- выделение критериев оценки социальных явлений, событий, состояний; при этом сама процедура выделения критериев требует пилотного социально-психологического исследования для уточнения набора таких критериев и определения их соответствия задачам исследования;
- выяснение мотивов участия наших современников разных возрастных групп в мемориальных событиях и разнообразных национальных праздниках, отмечаемых в обществе и характерных для жителей Востока и Юга: от Рождества и Пасхи до праздника Победы брежневской эпохи и празднования Октябрьской революции 1917 года;
- изучение отношения представителей разных поколений к мемориальным событиям различной идеологической направленности;
- исследование отношения жителей Юга и Востока к разным социальным и ритуальным обычаям и современным событиям в Крыму и на Востоке страны;
- изучение отношения и критериев оценки разных по идейному содержанию телепередач на украинских и российских каналах, а также современных произведений искусства и литературы;

- выявление личных критериев оценки социокультурных явлений, а также уровня значимости праздничных событий древности, недавнего прошлого и современных государственных праздников для людей разных демографических групп, имеющих различный образовательный уровень и различную профессиональную подготовку;
- оценка намерений представителей разных демографических групп населения Востока и Юга принимать участие в общественно-политической жизни страны.

Отдельным направлением социологического исследования социокультурного состояния общества на Юге и Востоке Украины должно стать изучение уровня доверия населения к современным властным структурам как национального, так и регионального уровня, что позволит определить уровень устойчивости сообществ и потенциала их социокультурного роста.

Реализация таких задач в ходе исследования будет способствовать безопасному состоянию общества и контролю уровня вероятности существующих в нем настоящих угроз. Важным аспектом такого исследования является не только очерчивание имеющихся проблем безопасности, но и достижение безопасного состояния украинского общества Юга и Востока. Дополнительным преимуществом должны стать создание социологического инструментария для измерения социально-психологического и социокультурного состояний различных общностей, который будет пригоден для мониторинга социальных настроений на Юге и Востоке страны в течение ближайшего десятилетия и выяснения уровня их интегрированности в общегосударственное пространство.

Источники

Бентам И. Избранные сочинения. — Т. 1 / Бентам И. — СПб., 1869.

Договір суспільний // Політологічний енциклопедичний словник / [уклад.: Л.М. Герасіна, В.Л. Погрібна, І.О. Поліщук та ін.]; за ред. М.П. Требіна. — Х.: Право, 2015.

Коллинз Р. Социологическая проничательность: Введение в неочевидную социологию / И.А. Мейжис, Л.Г. Почебут // Личностно-ориентированная социология. — М.: Академ. проект, 2004. — С. 370–608.

Коннертон П. Як суспільства пам'ятають. — К.: Ніка-Центр, 2004. — 184 с. (Серія "Зміна парадигми". — Вип. 7).

Мейжис И.А. Социальная психология общественного развития : В 2 т. / Мейжис И.А. — К.: Миллениум, 2003.

Романько І.І. Україна-Норвегія: від спільного минулого до спільного майбутнього / Романько І.І. — К.: Гнозис, 2016. — 368 с.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Сорокин П. — М.: Политиздат, 1992. — 542 с. — (Мыслители XX века / редкол.: Т.И. Ойзерман (предисл.) и др.)

Halbwachs M. Les Cadre sociaux de la memoire / Halbwachs M. — Paris, 1925. — P. 234.

Paleri P. National Security: Imperatives And Challenges. — New Delhi : Tata McGraw-Hill, 2008. — P. 521. — Retrieved 23. September 2010.

Rottm J.J. Defining national security: the nonmilitary aspects : Pew Project on America's Task in a Changed World (Pew Project Series) / Council on Foreign Relations. — 1993. — P. 122. — Retrieved 22. September 2010.